ПРИНЦИПЫ И ТИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ

(К ИСТОРИИ ГЕГЕЛЕВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

М. Ф. Быкова

В обширной – как отечественной, так и западной – литературе, посвященной исследованию философии Гегеля, особое внимание уделяется изучению проблемного содержания логики. Ибо, по общему признанию исследователей, в ней наиболее полно раскрывается суть основных принципов, характеризующих философию Гегеля в целом. Речь идет о таких фундаментальных принципах гегелевского философского учения, как диалектика, системность и историзм. Именно они придают гегелевской системе особую спекулятивно-содержательную направленность и делают ее уникальным явлением в ряду других историко-философских феноменов.

Вот почему нам представляется важным проанализировать основные принципы и типы интерпретации логики у Гегеля. Необходимо выявить основные тенденции и направления их исследования в мировом гегелеведении. Существенным является уточнение и обсуждение тех теоретических рамок, или систем координат, в которых сегодня осуществляется анализ логики Гегеля. Интерес представляют и те принципы и установки, которые кладутся в основу конкретных интерпретаций, сама их методика, а также полученные в них результаты. Все это и формирует проблемное поле настоящей статьи, определяет ее цели и задачи. При этом хочется надеяться, что анализ многообразных интерпретаторских подходов создает новые возможности для исследования логики, открывает новые горизонты в оценке ее реального смысла и значения как для философии Гегеля, так и мировой философии в целом.

Интерес к гегелевской Логике, появившийся сразу же после выхода в свет «Науки логики» (1812-1816), и активно культивируемый после смерти Гегеля старыми и новыми гегельянцами, не только не угасает по сей день, но и становится все более интенсивным. Причем этот интерес весьма разнообразен, диапазон его целевых установок

© М. Ф. Быкова, 1996

очень широк: от чисто теоретических, связанных с конкретными интерпретациями сущности и содержания спекулятивной логики, до критических, когда интенции логики Гегеля подвергаются критике с определенных позиций, будь то с позиции формальной логики или метафизики. От такой установки, когда гегелевская логика объявляется безвозвратно ушедшей и потому представляющей интерес лишь как историческая, «антикварная» ценность, до практически-конструктивной, означающей попытку построения на основе гегелевской логики некоторой новой методологии. Не имея возможности конкретно и детально анализировать всю обширную и многообразную литературу, посвященную логике Гегеля, мы попытаемся выявить и представить только важнейшие тенденции и направления, в рамках которых до сих пор велось изучение гегелевской логики.

Основная часть литературы о логике Гегеля посвящена исследованию содержания гегелевской спекулятивной логики и определению ее специфики. Авторы этих работ отстаивают различные позиции в оценке содержания гегелевской логики, ее реальной проблематики и значения. Но в многообразии позиций и подходов можно выделить три основные тенденции.

1. Первая, так называемая метафизическая, представлена гегельянцами и их последователями, которые при рассмотрении спекулятивной логики Гегеля указывали на имеющееся в ней тождество логики и метафизики [1]. Ярые сторонники Гегеля, они одновременно утверждали, что гегелевская логика «улучшает» метафизику в ряде ее элементов, развивая ее содержание и представляя более строгую аргументацию декларируемых в ней принципов. К. Розенкранц, известный биограф Гегеля, в своем двухтомном труде «Наука логической идеи» (1858 –1859) открыто вступает в спор как с гегельянцами И. Эрдманном, Куно Фишером, Х. Хинрихсом и др., так и с критиками Гегеля, идеалистами И. Х. Фихте и К. Вайсе, которые, по его мнению, не поняли «сути гегелевской логики» и «вновь отделили логику от метафизики» [2]. Свою задачу Розенкранц видит в осуществлении «реформы» гегелевской логики, стремясь «крепче увязать ее с метафизикой» [3]. Как образец такого синтеза он рассматривает аристотелевскую логику.

Еще более последовательно и настойчиво тезис о единстве логики и метафизики в спекулятивной логике Гегеля отстаивал немецкий гегельянец Р. Кронер. В своем двухтомном труде «От Канта к Гегелю» (1921 –1924) он стремился доказать оправданность и даже необходимость интерпретации логики Гегеля в аспекте метафизики [4]. При этом он критиковал Канта, Фихте и Шеллинга за недостаточную «метафизичность» их логических концепций, используя, правда, чисто гегелевскую аргументацию. Однако при всем пиетете Кронера по отношению к гегелевской логике для него самого является очевидным тот факт, что спекулятивно-логическое мышление представляет собой лишь один из моментов духа, деятельность которого имеет наряду с логическим и другие измерения. Важнейшим среди них является религиозное измерение, или теологический момент «жизни» духа; но он, по глубокому убеждению Кронера, не может быть раскрыт и познан в

терминах логики [5]. В невозможности логического обоснования теологии у Гегеля Кронер усматривает существенный недостаток гегелевской спекулятивной логики.

Подобная «метафизическая» интерпретация спекулятивной логики представлена и в появившихся относительно недавно, в 60-х годах нашего столетия, подробных комментариях к «Науке логики» Гегеля. Их авторы – Б. Лакебринг и Е. Фляйшманн – противопоставляют гегелевскую спекулятивную логику традиционной, «свободной» от какой бы то ни было «метафизической идеи». Но именно метафизическое ядро, по их мнению, обеспечивает Логике Гегеля те преимущества, которые она имеет по отношению к традиционным формально-логическим теориям. Это позволяет Лакебрингу говорить об особой содержательности спекулятивной логики, содержательности, которая не сводится к чисто логическим (традиционно закрепленным за логикой) результатам. Комментируя большие пассажи из «Науки логики», он интерпретирует гегелевскую логику в аспекте философской теологии, как действительную систему теологического самоопределения [6]. Фляйшманн, в свою очередь, не ограничивается лишь «теологической» интерпретацией логики Гегеля, а утверждает ее фундаментальную пропедевтическую роль. По его мнению, метафизическая сущность спекулятивной логики, пронизывающая ее содержание «метафизическая идея», делает логику реальным основанием для развертывания отдельных наук и целых областей знания [7]. В этом Фляйшманн видит одновременно и преимущество гегелевской логики перед логикой Канта, преимущество, которое он считает результатом сознательного преобразования логики, осуществленного Гегелем [8]. Фляйшманн, таким образом, не просто указывает на метафизическое содержание логики Гегеля, – что было бы не ново, – но и усматривает в нем специфику гегелевской спекулятивной логики, то, что отличает ее не только от традиционных формально-логических учений, но и от теории логики, выработанной в концептуальном пространстве немецкой классики (трансцендентальной логики Канта). При этом в своем анализе он использует новые аргументы, которые не были свойственны самому Гегелю; они, в большей степени, являются достижением современной философской науки.

2. С первой тенденцией в интерпретации логики Гегеля тесно связана вторая, которую – в отличие от первой – можно назвать историко-метафизической. В ней философия Гегеля, и особенно его логика, толкуются как завершение и реализация программы философской метафизики. Начало такому взгляду на Гегеля и его философию было положено в работах М. Хайдеггера. Интерпретируя философию Гегеля как онтотеологию и теорию абсолютной субъективности, он считал ее завершением, или по крайней мере, способом завершения метафизики, которая сама по себе объявилась им специфически неповторимым феноменом [9]. Данная хайдеггеровская концепция получила свое дальнейшее развитие в работах В. Маркса. В своих исследованиях философии Гегеля он выявлял ее содержательную связь с метафизикой, акцентируя при этом внимание не только и не столько на преемственности в ней метафизической проблематики, сколько на решении в

русле гегелевской философии трудностей и проблем, оставшихся неразрешенными в самой метафизике [10]. Так, телеологическое движение аргументации у Гегеля В. Маркс интерпретировал как попытку верификации понятия Абсолюта, которое оставалось непроясненным в метафизике [11]. В этом же направлении двигались в своих работах итальянский исследователь У. Гуццони и немецкий – К. Харландер. Они стремились в рамках гегелевской «Науки логики» реконструировать процесс развертывания Абсолюта как абсолютной субъективности [12]. В русле историко-метафизической интерпретации проводил свой анализ философии Гегеля и голландский исследователь Ван дер Майлен. Однако, в отличие от В. Маркса, Гуццони и Харландера, он приписывал философии Гегеля историческое значение не только как особому феномену, являющему собой завершение метафизики, но и как теории, способной на развитие программы метафизики в дальнейшем философском движении [13].

3. Связанная со второй третья тенденция в интерпретации логики Гегеля может быть названа исторической. Она представлена теми работами, предметом исследования которых является история создания Гегелем спекулятивной логики и которые в особенности сосредоточены на изучении ранних гегелевских концепций логики, разрабатываемых философом во Франкфуртский и Йенский периоды жизни. Эта интерпретаторская тенденция имеет большую историю. Ее идеи изложены в работах немецких гегельянцев К. Розенкранца и А. Шмида, англичанина Дж. Бейля, а также ряда экзистенциалистов, феноменологов, представителей философии жизни, в том числе В. Дильтея. Но наибольшее распространение она получила начиная с конца 70 – начала 80-х годов.

Ранние исследования истории становления и развития гегелевской спекулятивной логики и прежде всего предпринятые в конце прошлого и самом начале XX в. исследования А. Шмида и Дж. Бейля [14] исходили из неверной хронологизации гегелевских логических набросков, представленной Розенкранцем. В силу того, что Розенкранц ошибочно отнес йенскую работу Гегеля «Логика, метафизика, натурфилософия» к предыдущему, франкфуртскому периоду жизни Гегеля (до 1801 г.) [15], было невозможно ни адекватно представить связь содержащихся в этом манускрипте идей с замыслами других гегелевских концепций системы, разработанных в Йене, ни точно систематизировать ранние йенские наброски логики. Поэтому работы А. Шмида и Дж. Бейля носили скорее характер предварительных замечаний к истории развития логики Гегеля. Необходимо подчеркнуть, что в рамках тогдашней систематизации и хронологизации текстов и в контексте тогдашнего уровня познания Гегеля и его философии они были довольно добротными исследованиями.

Первым от неверной датировки написанного Гегелем в Йене манускрипта «Логика, метафизика, натурфилософия» отказался В. Дильтей; он больше не стал обсуждать данный текст в качестве франкфуртского наброска. Известная работа Дильтея «История молодого Гегеля», в которой он упорядочивал и интерпретировал малоизвестные в то время рукописи Гегеля, впервые, и еще во многом интуи-

тивно, выделяя различные фазы и концепции в творчестве молодого Гегеля, может рассматриваться как некий, правда лишь предварительный, набросок исследования философии Гегеля с точки зрения ее истории развития [16]. При этом Дильтею удалось связать философские, научно-теоретические мотивы творчества Гегеля с биографическими и психологическими [17], что, к сожалению, весьма редко можно наблюдать в современных философских работах, хотя ценность такого синтетического подхода к анализу, несомненно, велика. Однако Дильтей мало обращался непосредственно к гегелевским наброскам по логике, принадлежащим к Йенскому периоду. Конкретным предметом анализа они стали во второй половине 60-х годов, и особенно с середины 70-х, отмеченных небывалым всплеском на Западе интереса к Гегелю и его философии.

Ренессанс гегелевской философии в 70-е годы на Западе, связанный с обнаружением и публикацией, наряду с текстами по философии права и философии религии Гегеля [18], новых текстов или манускриптов, имеющих отношение к проблематике гегелевской логики, и прежде всего его ранних франкфуртских и йенских набросков логики [19], еще более стимулировал появление новейших исследований и интерпретаций логики Гегеля. На западных читателей обрушился буквально поток литературы, посвященной анализу гегелевских логических изысканий, становлению и развитию образа его спекулятивной логики. В ней, со свойственной особенно немецким авторам педантичностью, скрупулезностью и научной дотошностью, текстологически исследуются гегелевские ранние наброски логики, уточняются даты их появления, обсуждается их проблематика. При этом новизна подхода к анализу ранних набросков логики (и системы в целом) состоит в том, что они рассматриваются не только как подготовительные этапы, «предступени» зрелой гегелевской системы логики, представленной в «Науке логики», а в качестве своеобразных систематических концепций, имеющих собственное значение, как самостоятельные явления в теоретическом развитии Гегеля и философии в целом [20].

Первыми, кто в этот период обратился к изысканиям в области гегелевской логики с точки зрения ее истории развития, были Н. Меркер (его ранняя работа опубликована в 1961 г. в Милане на итальянском языке) [21] и О. Пёггелер. О. Пёггелер отстаивал необходимость нового взгляда на эволюцию логических идей Гегеля и настаивал на разработке полной истории развития гегелевской логики и выработке ее более адекватной периодизации, основываясь на вновь найденных текстах и фрагментах [22]. В этот же период Х. Киммерле удалось установить точную дату написания Гегелем манускрипта «Логика, метафизика, натурфилософия» [23]: появившись между летом 1804 г. и зимой 1804-1805 гг., этот текст представлял собой 2-ой йенский набросок системы, в котором Гегель ставил и решал важнейшие проблемы логики и метафизики. Новая, более точная датировка манускрипта, имеющего принципиальное значение для периодизации истории развития гегелевской логики, создала возможность верно систематизировать все йенские наброски логики, установив их отношение как друг к другу, так и к соответствующим концепциям системы,

и на основе этого подробно проанализировать их содержание. В монографическом исследовании «Проблема завершенности мышления» Х. Киммерле предпринял попытку определить основные линии, или направления упорядочения гегелевских ранних йенских набросков логики и «системы философии» в целом [24], а также проанализировать содержание набросков систем 1801-02 (Itroductio in Philosophiam и Logika et Metaphysik), 1802-03 (System der Sittlichkeit) [25], 1803-04 (система спекулятивной философии, – так называемый 1-ый набросок системы) [26] и 1804-05 гг. (уже упоминаемый выше 2-ой набросок системы) [27]. Киммерле отстаивает здесь идею прямолинейного развития логики Гегеля. Он утверждает, что в Йене, начиная с раннего наброска системы 1801-02 и кончая наброском системы 1804-05, проблемы логики разрабатывались Гегелем с точки зрения развития спекулятивных идей и, прежде всего, в аспекте выработки парадигмы системы. При этом Киммерле исходит из того, что Гегель, используя термин «логика», толкует его содержание не чисто логически, а более общо, понимая под логикой философию. Отсюда выходит, что гегелевская философская система уже в Йенский период выступала как система логицизма, и логика, реально выполняющая по отношению к метафизике лишь пропедевтическую роль, роль введения в содержание последней, по существу должна была включать в себя метафизику как свою составную часть. Разделение же было чисто внешним, что диктовалось традицией и связанным с ней членением на логику, метафизику и прикладные дисциплины [28].

Против такой интерпретации йенских набросков системы выступили Р.-П. Хорстманн и И. Х. Треде, которые внесли ряд существенных предложений относительно реконструкции ранней йенской логики Гегеля. Так, Треде показал, что термин «философия» обозначает у Гегеля в Йене (и особенно в ранний Йенский период – до 1805 г.) не логику, а метафизику, и что Гегель по существу занимался здесь разработкой метафизики, содержание которой, однако, с необходимостью определялось логикой. Стало быть, логика рассматривалась им как реальное введение в метафизику, в силу чего она выполняла в системе чисто пропедевтическую роль. Поэтому, делает вывод Треде, если и можно говорить о связи ранних набросков логики со спекулятивной системой «Науки логики», то лишь в относительном смысле, понимая эту связь только как опосредованную разработкой конкретных проблем, связанных с осмыслением вопроса о начале философии [29]. Особое значение принадлежит здесь, по мысли Треде, принятию Гегелем позиции скептицизма. Ибо «необходимая задача эксплицитного скептицизма» состояло в том, чтобы посредством полного уничтожения конечных определений рефлексии и связанного с этим утверждения полноты неопровержимости знания «обеспечить начало и вход в философию» [30]. Хорстманн делает акцент на исследовании изменений и превращений, происходящих в гегелевских ранних набросках логики, приходя в результате анализа к выводу, что развитие логики в Йене вряд ли можно считать одновекторным и нацеленным непосредственно на разработку спекулятивной логики. Скорее раннюю историю логики можно и нужно понимать как своеобразный отклик Геге-

ля на традиционные вопросы и проблемы метафизики и, прежде всего, проблему поиска первых оснований науки [31]. Во многом сходную с Хорстманном позицию относительно интерпретации ранней логики Гегеля представляют в своих работах К. Дюзинг, М. Баум и др. При этом Дюзинг, ставя все ранние наброски логики в связь друг с другом и «Наукой логики», вычленяет единое основание изменения модели логики, которые он находит в принципе абсолютной субъективности [32]. Одновременно, на основе тщательного рассмотрения ранних гегелевских логических набросков, он по-новому представил не только движение к науке логики, но и сами смысл и содержание спекулятивной логики Гегеля. Дюзингу удалось конкретно показать, что гегелевская логика представляет собой «решение идеалистической проблемы поисков первых принципов» [33], т.е. она есть теория, в которой Гегель решает важнейшую проблему немецкого идеализма относительно выработки основополагающих принципов развертывания философского знания. Таким основополагающим принципом, по мысли Дюзинга, является у Гегеля принцип абсолютной субъективности, и потому сама спекулятивная логика выступает как теория субъективности.

Позиция так называемого «исторического» подхода к интерпретации логики Гегеля представлена также в книге Н. В. Мотрошиловой «Путь Гегеля к "Науке логики"», которая является практически единственным отечественным исследованием, выполненным в столь современном ключе. (Исключение составляет лишь монография А. М. Каримского, которая, однако, посвящена развитию гегелевской концепции философии истории [34].) Своей книгой Мотрошилова своеобразно откликнулась на широко развернувшуюся в западном гегелеведении дискуссию о логике Гегеля и ее содержании. Обратившись – с опорой на вновь найденные гегелевские тексты – к анализу движения Гегеля к спекулятивно-логической концепции, она представила его как единый процесс выработки и развертывания важнейших для гегелевской философии принципов системности и историзма. При этом само движение Гегеля к науке логики предстало не как чисто телеологическое развертывание логической идеи, а в качестве длительного, порой мучительного, – с массой отклонений и остановок, – непрямолинейного процесса поисков парадигмы системы, процесса, связь которого, собственно, и образует разрабатываемые Гегелем принципы системности и историзма. Новизна данного исследования состоит, во-первых, в том, что здесь впервые в отечественной литературе о Гегеле «Наука логики» была представлена с точки зрения ее истории развития, во-вторых, были найдены реальные основания единства процесса развития логической концепции у Гегеля. И, наконец, в-третьих, опираясь на обширный текстологический материал, который ко времени написания книги лишь входил в обращение в среде западных гегелеведов, Мотрошиловой удалось не только конкретно познакомить нашего читателя с ранними этапами деятельности Гегеля, но дать свою – с точки зрения развития Гегелем принципов системности и историзма – интерпретацию ранних гегелевских набросков системы. Это обстоятельство позволяет говорить о существенном вкладе, который уже в

80-х годах могло бы внести исследование Мотрошиловой в дискуссию по вопросу об истории развития логики Гегеля, если бы отечественные работы быстрее становились известными западному читателю и сразу могли бы включаться в мировой гегелеведческий дискурс.

Но дискуссия о ранней логике Гегеля, о содержании йенских набросков еще не завершена и продолжается в многочисленных работах западных гегелеведов. Кроме изучения деталей текстов, здесь еще предстоит последовательно проанализировать различные концепции гегелевской логики, – первые из которых принадлежат уже к франкфуртскому периоду (например, Differenz-Schrift), – с точки зрения их систематической связи. Также необходимо более предметно вычленить те глубинные основания для изменений в моделях логики, которые содержались в них самих и связаны с внутренними законами развития логики и ее принципов.

Особое направление интерпретации логики Гегеля представляет критика гегелевской философской системы и составляющей ее ядро спекулятивной логики. Само это направление не является однородным, оно различается внутри себя в соответствии с тем основанием, с точки зрения которого ведется критика. Так, можно выделить формально-логическую и метафизическую критические интерпретации логики Гегеля.

а). Представители формально-логической критики Гегеля пытаются доказать, что несостоятельность гегелевской логики как метафизики связана с нарушением правил и законов формальной логики. Первая решающая и в XIX в. весьма влиятельная критика гегелевской спекулятивной логики на основе формально-логической аргументации была осуществлена в «Логических исследованиях» А. Тренделенбурга [35]. Используя формально-логические приемы и методы, он не ограничивается при анализе спекулятивной логики Гегеля лишь анализом ее формально-логических оснований и принципов. Тренделенбург специально обращается к методу логики Гегеля, к его диалектике, и упрекает Гегеля за то, что в ней смешана контрадикторная и контрарная противоположность понятий, и что Гегелем нарушены принцип исключенного третьего и даже требование непротиворечивости [36]. Это пренебрежение к формально-логическим принципам непротиворечивости и исключенного третьего позже особенно акцентировал в своей критике гегелевской диалектики Э. фон Гартманн [37].

Упреки в адрес гегелевской диалектики с точки зрения формальной логики, сделанные в конце XIX в., вновь повторяются уже в XX столетии. Их можно обнаружить, например, в известной статье К. Поппера о диалектике [38] или в книге В. Бекера «Гегелевское понятие диалектики и принцип идеализма», который к тому же, – правда, недостаточно доказательно, – проводит тезис о том, что диалектика Гегеля неотделима от его идеализма [39].

Особый вариант чисто логической критики предложил немецкий логик Х. Ленк. В высоко оцененной в среде логиков работе «Критика логических констант» он весьма остро критиковал гегелевские высказывания за несоблюдение в них правил современной формальной логики и семантики. Таким образом, его масштаб критики – даже не

традиционная формальная логика, а современная логика и логическая семантика [40]. При этом он вовсе не обсуждает вопроса о том, в каком отношении гегелевская логика находится к классической формальной логике. Без внимания оставляет он и тот факт, что определенные формальные правила Гегель нарушает вполне сознательно, имея для этого соответствующие метафизические основания, которые также остаются вне интереса Ленка. Однако до тех пор, пока не будут исследованы данные основания и пока они не будут опровергнуты, масштаб критики, избранный Ленком, – современная формальная логика как таковая, – вряд ли является оправданным, и приводимые им аргументы вряд ли могут иметь конструктивное значение для критики логики Гегеля. Кроме того, в силу специфики гегелевской логики, ее спекулятивного содержания формально-логическая критика никак не может быть плодотворной уже потому, что не является достаточной; она с необходимостью должна быть объединена с критикой, проводимой с точки зрения метафизики.

б). Метафизическая критическая интерпретация логики Гегеля выступает в двух видах: 1) как объединенная с формально-логической критикой и 2) как осуществляемая независимо от критики с точки зрения формальной логики. Позицию синтетической критики, объединяющей в себе формально-логические и метафизические аргументы, предпринимал уже Тренделенбург [41]; ее правомерность принципиально признавалась К. Поппером и В. Бекером [42]. Однако более широкое распространение получила чисто метафизическая критическая интерпретация, свойственная, прежде всего, тем исследователям Гегеля, для которых основным предметом их теоретического интереса является метафизика и проблемы ее развития. Наиболее ярко интенции этого критически-интерпретаторского направления представлены в работах одного из ведущих современных западных гегелеведов Д. Хенриха. Вслед за Тренделенбургом он задается вопросом о содержании спекулятивных категорий. В своих критических комментариях к началу Логики и Логике рефлексии Хенрих конкретно исследует гегелевский путь аргументации. Он находит и подвергает анализу ранее не подлежавшие рассмотрению особые структуры, в которых он, собственно, и усматривает метафизические истоки гегелевских философских идей [43]. Хенрих указывает на метафизическое понятие непосредственности, которое, по его мнению, может прояснить многие проблемы и трудности, возникающие при интерпретации гегелевской логики. Он конкретно показывает, как это понятие «снимается» и развертывается – конечно, не без специфических изменений и преобразований – в гегелевской категории опосредования, подчеркивая при этом противоречивость самого развития процесса опосредования в логике Гегеля [44]. С критикой полного внедрения «метафизической непосредственности в опосредование» в логике Гегеля выступает также В. Маркс [45]. Для подобного рода изображений и толкований гегелевской логики и философии в целом особенно характерно то, что предпринимаемый здесь анализ движется не по поверхности гегелевского текста, не формально, а затрагивает внутренние глубинные структуры философской системы Гегеля, подвергая исследованию совершенно

конкретные понятия и категории гегелевской логики. Причем рассматривают их в их динамике и диалектическом развитии.

в). К совершенно иному типу метафизической критики логики Гегеля принадлежит критика с точки зрения архаичности и ухода в небытие самой метафизики. Авторы многообразной литературы, представляющие эту тенденцию, объединены по существу единой идеей: гегелевская логика, как и вся его система в целом, объявляются здесь неразрывно связанными с метафизическим идеализмом, который толкуется как уже исторически пройденный этап философии. В этом духе интерпретировал логику Гегеля в работе «Философия немецкого идеализма» и ряде других своих поздних сочинений Н. Гартманн [46]. Он как бы усиливал суждения о логике Гегеля тех, кто представляет первую из выделенных нами интерпретаторских тенденций. Согласно его трактовке, спекулятивная логика Гегеля есть метафизика и одновременно последовательное проведение идеализма; метафизика же и идеализм объявляются им «безвозвратно ушедшими, нереставрируемыми» [47]. Но несмотря на это Гартманн пытался вычленить в гегелевской философии те существенные результаты, которые, по его мнению, принадлежат к более широким, чем только метафизико-идеалистическим достижениям. К таковым он относит всеобще-онтологические идеи, которые Гегель формулирует в своей объективной логике. Изложенная же в логике диалектика вопреки этому не является для Гартманна реальной диалектикой, на что он указывает в статье о методе Гегеля [48]. Реальность диалектика приобретает лишь в философии духа, где она становится основной темой рассмотрения. Заметим, что в отличие от Логики, которой приписывалось некое антикварное, уже ушедшее в историю значение, философия духа Гегеля рассматривалась Гартманном как одно из выдающихся достижений философской мысли, которое может и должно стимулировать дальнейшее философское развитие. То же исторически ушедшее значение приписывает спекулятивной логике Гегеля и В. Альбрехт, который обращается к более конкретному предмету – диалектике Гегеля. В книге «Гегелевское доказательство бога» он – в отличие от Гартманна – выражает сомнение в возможности реальной диалектики независимо от идеализма и опираясь на конкретные фрагменты спекулятивной логики, демонстрирует, что гегелевская диалектика нерасторжимо связана с метафизическим идеализмом, который он, как и Гартманн, считает исторически ушедшим [49]. В рамках данной интерпретаторской тенденции развивают свои аргументы Г. Малушке и Н. Ротенштрайх, преследующие, казалось бы, более конкретные цели, а именно демонстрацию систематического значения гегелевской критики Платона, Спинозы и Канта для его собственного мышления. Так, они утверждают, что гегелевская метафизика абсолютной субъективности, разрабатываемая им в Логике, есть не что иное, как идеалистическая метафизика субстанции, которая, в силу принадлежности прошлому самой идеалистической метафизики, не имеет и не может иметь сегодня никакого реального философско-теоритического значения [50].

Принципиально иной, так называемый конструктивный тип интерпретации логики Гегеля изложен в тех работах, где предпринима-

ются попытки на основе гегелевской логики построить новую философскую методологию. Здесь можно выделить два основных направления.

а). Первое направление связано с попыткой построить на основе спекулятивной логики Гегеля совершенно новую логику, которая и в ее формальной части должна превзойти, выйти за пределы современной формальной логики. Эту попытку предпринимал, например, немецкий историк логики Г. Гюнтер. Уже в своей ранней книге «Основные черты новой теории мышления в Логике Гегеля» (1933) [51], где он задавался вопросом об обосновании чистой логики, Гюнтер пытался показать, что традиционная двухзначная логика исходит из субъект-объектного раскола, т. е. разведения субъекта и объекта. И хотя, как пишет Гюнтер, «Канту удалось задать единство апперцепций как принцип логики, оно мыслилось у него лишь объективно» [52]. Только Гегель введением принципа тождества субъекта и объекта сумел преодолеть традиционный дуализм, что, с одной стороны, позволило, согласно Гюнтеру, создать новую концепцию мышления, в которой стало возможным обнаружить и проанализировать его важнейшую характеристику, – а именно способность к самоотношению, – но, с другой стороны, привело к утверждению двухзначности в логике. Недостаточность последнего в логическом исследовании и побудило Гюнтера к созданию новой, многозначной логики. Свой проект развития такой логики он пытался наметить в более поздней работе «Идея и набросок не-аристотелевской логики» (1959), где он был вынужден, сохраняя категории и формы гегелевской логики, выйти за ее пределы [53]. Сама попытка представлять таким образом двухзначность формальной логики основывается на метафизической предпосылке, что традиционная формальная логика базируется на разделении между познающим субъектом и познаваемым объектом, или сущим. Данное утверждение, однако, оказывается трудно доказуемым, ибо формальная логика вообще не имеет дела с познанием объектов или сущим как таковым. Поэтому речь о двухзначности может идти лишь в том случае, если чисто логическая истина или достоверность идентифицируются с истиной познания.

б). Основная интенция тех авторов, которые представляют второе направление конструктивной интерпретации логики Гегеля, состоит в обретении в гегелевской логике и диалектике основания, или, по крайней мере, некоторого исходного «строительного» материала для выработки методологии общественных наук в их более общем понимании, а именно в качестве гуманитарного знания. Это направление интерпретации имеет широкий диапазон исследований и поисков: от использования диалектики Гегеля при выработке герменевтической методологии до ее применения для методологии социальных наук.

Попытка сделать диалектику Гегеля плодотворной для теории герменевтического опыта характерна, прежде всего, для Х.-Г. Гадамера, и особенно явно выражается в его книге «Истина и метод» [54]. Он ориентируется при этом не на специфически-логическую структуру диалектики, не на ее метафизическое обоснование у Гегеля; предметом своего исследования он делает диалектику языка, сущест-

вование которой реально постулировал Гегель. Различие между спекулятивной логикой и герменевтикой Гадамер более конкретно формулирует и анализирует в статье «Идея гегелевской логики»[55]. Он оправданно интерпретирует спекулятивную логику как научное обоснование гегелевской системы, категории и принципы которой, – несмотря на все изменения, – еще движутся в проблемном поле платоновского учения об идеях и его диалектики[56]. При этом Гадамер, отклоняя абсолютистские притязания гегелевской спекулятивной логики, настаивает на необходимости развития вычлененного здесь Гегелем специфического языкового измерения мышления и его проявлений.

Другим направлением анализируемой здесь интерпретации логики Гегеля является то, представители которого стремятся использовать диалектику Гегеля, – правда, после ее требуемого Марксом «переворачивания», – в методологии социальных наук. Для нашей темы в этой связи особенно важно назвать имя Х. Маркузе, который такой попытке социально-методологического использования диалектики Гегеля предпосылает подробное исследование гегелевской «Науки логики» и его йенской логики. В своем раннем, широко известном произведении «Гегелевская онтология и основание теории историчности»[57] он, еще во многом опираясь на понятие истории Дильтея и онтологическую постановку вопроса Хайдеггера, рассматривает гегелевскую логику как «онтологическое фундирование теории истории»; метафизика абсолютного знания, по его мнению, не в состоянии выполнять эту функцию[58]. Но уже в работе «Разум и революция» Маркузе толкует гегелевскую логику в ее связях с традиционной метафизикой в качестве универсально-онтологической теории, которая действительна лишь для конкретных исторических этапов в развитии общества. Ее метод, диалектика, имеет обоснованное значение исключительно только для данной области – для истории общества, что Маркузе пытается показать на. примере изменившегося употребления диалектики у Маркса. А именно – применение Марксом диалектики к социальному знанию: к изучению истории развития человеческого общества[59].

Подобные «конструктивные» интенции свойственны и основной части отечественных исследований Логики Гегеля, авторы которых всегда уделяли особое внимание изучению гегелевской философии и ее диалектики. Однако в силу того, что все они работали в основном русле марксизма, их главной целью было критическое марксистское исследование гегелевских идей и мыслей, выдвинутых в его философии проблем и задач[60]. При этом, – особенно с середины 70 – начала 80-х гг., – в отечественных работах о Гегеле верх начинает брать не огульная критика (причем, чаще это была не творческая, конструктивная, а догматически-марксистская критика идеализма вообще, без особого вхождения в детали гегелевского анализа[61]), а проблемно-содержательные исследования философии Гегеля в аспекте плодотворности и перспективности его идей, поставленных им проблем для современного философского движения. Материалом для анализа служили при этом две гегелевские работы – «Феноменология духа» и «Наука логики», причем последняя, в отличие от первой, анализиро-

валась более конкретно и предметно. И хотя «Науке логики» были посвящены только две монографии, выпущенные – в хронологическом порядке – И. К. Тевзадзе и Н. В. Мотрошиловой [62], ее проблематика рассматривалась по существу во всех работах о Гегеле, которые в разное время были написаны В. Ф. Асмусом, А. С. Богомоловым, А. И. Володиным, А. В. Гулыгой, А. Л. Доброхотовым, Э. В. Ильенковым, П. В. Копниным, М. К. Мамардашвили, И. С. Нарским, А. П. Огурцовым, Т. И. Ойзерманом и др. В этот период стали основательно анализироваться отдельные проблемы логики Гегеля – проблемы противоречия, познания, рассудка и разума, свободы и необходимости, важнейшие вопросы о предмете и начале логики и всей системы в целом. Анализу была подвергнута и гегелевская концепция мышления в ее логическом развертывании, особенно в аспекте гегелевского учения о познании. Из конкретных исследований, посвященных данной теме, можно выделить раннюю монографию М. К. Мамардашвили «Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания)» (М., 1968). Необходимо подчеркнуть особое значение работ Э. В. Ильенкова, в которых критически анализировалась гегелевская трактовка «объективного» содержания мышления и обсуждался ее реальный смысл; одновременно выявлялась плодотворность гегелевского подхода к мышлению как субстанции познания, вслед за Гегелем подчеркивалась – во многом сходно с Х.-Г. Гадамером – важность учета языкового измерения мышления в разработке проблематики теории познания [63]. Значительный вклад в анализ гегелевского понимания проблем диалектики (о процессуальности развития, о проблеме абстрактного и конкретного, о диалектике рассудка и разума и др.) и ее системоформирующей роли в философии Гегеля внесли работы А. Л. Доброхотова, М. А. Кисселя, Н. В. Мотрошиловой, И. С. Нарского, А. П. Огурцова, Т. И. Ойзермана и др. второй половины 80-х – начала 90-х гг.

Однако в отечественной литературе все еще дает о себе знать тенденция рассматривать гегелевскую философию, и особенно его спекулятивную логику, слишком общо, не концентрируя внимания на текстах, на текстологическом анализе, который может и должен базироваться только на оригинальных (а не представленных в русскоязычном переводе, являющемся не всегда точным, а порой и просто некорректным) работах философа. А потому вне поля зрения, вне интереса наших исследователей продолжают оставаться многие глубоко разработанные Гегелем проблемы, центральные идеи, имеющие огромное значение для развития философии сегодня. Одной из них в аспекте логики является гегелевская идея развертывания спекулятивной логики как теории абсолютной субъективности [64], идея, анализ которой во многом определяет сегодня содержание мирового гегелеведения.

[1] См., например: *Hinrichs H. W.* F. Grundlinien der Philosophie der Logik. Halle, 1826; *Werder K.* Als Kommentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik. Berlin, 1841; *Erdmann J. E.* Grundriss der Logik und Metaphysik. Halle, 1841; *Fischer Kuno.* System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre. 2. Aufl. Heidelberg, 1865. u. a.

[2] *Rosenkranz K.* Wissenchaft der logischen Idee. 2 Teile. Königsberg, 1858-1859. T. 1. S. 10-12.

[3] Ibid. T. 1. S. V-VI. Vgl. auch: T. 1. S. VII-XL, 10ff, 18ff; T. 2. S. V-XII.

[4] См.: *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. 2 Bde. 2. Aufl. Tübingen, 1961. Bd. 1. S. IX ff.

[5] См.: Ibid. Bd. 2. S. 297-361, 434-502.

[6] Vgl. *Lakebrink B.* Die europäische Idee der Freiheit. T. 1: Hegels Logik und die Tradition der Selbstbestimmung. Leiden, 1968.

[7] Vgl. *Fleischmann E.* La science universelle ou la logique de Hegel. Paris, 1968.

[8] Vgl. *Fleischmann E.* Hegels Umgestaltung der kantischen Logik//Hegel-Studien. 1965. Bh. 3. S. 181-207.

[9] Такое понимание философии Гегеля Хайдеггер особенно явно формулирует в одной из своих статей. См.: *Heidegger M.* Die ontotheologische Verfassung der Metaphysik//Heidegger M. Identität und Differenz. 4. Aufl. Pfullingen, 1957. S. 31-67.

[10] См. *Marx Werner.* Die Bestimmung der Philosophie im deutschen Idealismus. Stuttgart, 1964. Ders.: Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in «Vorrede» und «Einleitung». Frankfurt.a.M., 1971.

[11] *Marx W.* Die Bestimmung der Philosophie... S. 121.

[12] См.: *Guzzoni U.* Werden zu sich. Eine Untersuchung zu Hegels «Wissenschaft der Logik». Freiburg/München, 1963; а также *Harlander K.* Absolute Subjektivität und kategoriale Anschauung. Eine Untersuchung der Systemstruktur bei Hegel. Meisenheim a.G., 1969.

[13] См.: *Meulen J. v.* Hegel. Die gebrochene Mitte. Hamburg, 1958. Bes. S. 9-97, 135-144.

[14] См.: *Schmid A.* Entwicklungsgeschichte der Hegelschen Logik. Regensburg, 1858.; а также *Baillie J. B.* The Origin and Significance of Hegel's Logik. A general introduction to Hegel's system. London, 1901.

[15] См.: *Rosenkranz K.* G.W.F.Hegels Leben. Berlin, 1844. S. 102 ff, 141, а также S. 190 ff.

[16] См.: *Dilthey W.* Die Jugendgeschichte Hegels//Gesammelte Werke. 3. Aufl. Stuttgart/Göttingen, 1963. Bd. 4. S. 1-187.

[17] Ibid., bes. S. 191-251.

[18] Здесь особенно важно выделить два текста, сыгравших значительную роль в развитии гегелеведения на рубеже 70 – 80-х годов. Это: *Hegel G. W. F.* Vorlesungen über die Philosophie der Religion. Teil 1. Einleitung. Der Begriff der Religion./Hrsg. von W. Jaeschke//Vorlesungen. Ausgewälte Nachschriften und Manuskripte. Bd. 3. Hamburg, 1983; *Hegel G. W. F.* Philosophie des Rechts. Die Vorlesungen von 1819/20 in einer Nachschrift/Hrsg. von D. Henrich. Frankfurt a. M., 1983. Аналитический обзор этих и ряда других новых текстов Гегеля дан в статье Н. В. Мотрошиловой «Современное исследование философии Гегеля: Новые тексты и проблемы»//Вопр. философии. 1984. № 7. С. 81-97.

[19] См.: *Hegel.* GW Bd. 5 (в печати), а также Bd. 6, 7, 8.

[20] Наиболее явно и последовательно данная идея в отношении ранних набросков логики Гегеля проводится известным немецким гегелеведом К. Дюзингом. См.: *Düsing K.* Das Problem der Subjektivität in Hegels Logik. Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchungen zum Prinzip des Idealismus und zur Dialektik. Bonn, 1984. S. 36, 75-205.

[21] См.: *Merker N.* Fragen zur Entstehung der Hegelschen Logik//Hegel in der Sicht der neueren Forschung./Hrsg. von I. Fetscher. Darmstadt, 1973. S. 277-287. См. также его работу на итальянском языке: *Merker N.* Le origini della logika hegeliana (Hegel a Jena). Milano, 1961.

[22] См.: *Pöggeler O.* Hegels Jenaer Systemkonzeption//Philosophisches Jahrbuch. 1963/64. № 71. S. 286-318. Кроме того: Fragment aus einer Hegelschen Logik. Mit einem Nachwort zur Entwicklungsgeschichte von Hegels Logik hrsg. v. O. Pöggeler//Hegel-Studien. 1963. № 2. S. 11-70.

[23] См.: *Kimmerle H.* Zur Chronologie von Hegels Jenaer Schriften/Hegel-Studien. 1967. Bh. 4. S. 164 ff. Напомним, что до этого наиболее принятой была точка зрения Розенкранца, ошибочно отнесшего данный манускрипт к работам Франкфуртского периода.

[24] См.: *Kimmerle H.* Das Problem der Abgeschlossenheit des Denkens. Hegels «System der Philosophie» in den Jahren 1800-1804. Bonn, 1970. S. 48-93, 95 ff.

[25] *Hegel.* GW. Bd. 5.

[26] Ibid. Bd. 6.

[27] Ibid. Bd. 7.

[28] См.: *Kimmerle H.* Das Problem der Abgeschlossenheit des Denkens... S. 120-134.

[29] См.: *Trede J. H.* Hegels frühe Logik (1801-1803/4). Versuch einer systematischen Rekonstruktion//Hegel-Studien. 1972. Bh. 7. S. 123-168.

[30] Ibid., S. 161. Vgl.: *Hegel.* GW. Bd. 4. S. 216.

[31] См.: *Horstmann R.-P.* Probleme der Wandlung in Hegels Jenaer Systemkonzeption// Philosophische Rundschau. 1972. № 19. S. 87-118.

[32] *Düsing K.* Das Problem der Subjektivität in Hegels Logic... S. 150-209, 289 ff.

[33] Ibid., S. 25.

[34] См.: *Каримский А. М.* Философия истории Гегеля. М., 1988.

[35] *Trendelenburg A.* Logische Untersuchungen. 2 Bde. 3.Aufl. Leipzig, 1870.

[36] См. особенно: Ibid., Bd. 1. S. 36-129. Подобные идеи Тренделенбург развивает также и в другом, не менее известном своем исследовании о Гегеле: *Trendelenburg A.* Die logische Frage in Hegels System. Leipzig, 1843.

[37] См.: *Hartmann E. v.* Über die dialektische Methode. Historischkritische Untersuchungen. B., 1868.

[38] *Popper K R.* Was ist Dialektik?//Logik der Sozialwissenchaften/Hrsg. von E. Topitsch. Köln und B., 1965. S. 262-290.

[39] *Becker W.* Hegels Begriff der Dialektik und das Prinzip des Idealismus. Zur systematischen Kritik der logischen und der phänomenologischen Dialektik. Stuttgart usw., 1969. Bes. S. 7-107.

[40] *Lenk H.* Kritik der logischen Konstanten. Philosophische Begründungen der Urteilsformen von Idealismus bis zur Gegenwart. B., 1968. S. 257-377.

[41] См.: *Trendelenburg A.* Logische Untersuchungen. Bd. 1. S. 83 f.

[42] В своей, выше уже приводившейся, статье о диалектике К. Поппер, хотя и без подробного разъяснения, указывает на метафизические мотивы в диалектике и логике Гегеля, стремясь одновременно подвергнуть их критике. При этом сама критика ведется уже не с чисто формально-логических позиций; в нее привносятся определенные метафизические аргументы. См.: *Popper K. R.* Was ist Dialektik? S. 275-278, 282 ff. Ср. также: *Becker W.* Dialektik als Ideologie: Hegel und Marx//Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 1972. № 3. S. 302-328.

[43] *Henrich D.* Anfang und Methode der Logik und Hegels Logik der Reflexion//Hegel im Kontext. Frankfurt.a.M., 1971. S. 73-94, 95 ff.

[44] Ibid. S. 95-156. См. также: *Henrich D.* Formen der Negation in Hegels Logik//Hegels-Jahrbuch 1974. 1975. S. 245-256.

[45] *Marx W.* Hegels Theorie logischer Vermittlung. Kritik der dialektischen Begriffskonstruktionen in der «Wissenschaft der Logik». Stuttgart-Bad Cannstatt, 1972.

[46] *Hartmann N.* Die Philosophie des deutschen Idealismus. 2 Bde. 2 Aufl. B., 1960. Bes. S. 250-260, 265-275, 363-481.

[47] Ibid. Bd. 1. S. 1 f.

[48] *Hartmann N.* Hegel und das Problem der Realdialektik//Kleinere Schriften II. B., 1957. S. 323-346.

[49] *Albrecht W.* Hegels Gottesbeweis. Eine Studie zur «Wissenschaft der Logik». B., 1958.

[50] См.: *Maluschke G.* Kritik und absolute Methode in Hegels Dialektik//Hegel-Studien. 1974. Bh. 13; *Rotenstreich N.* From Substance to Subject//Studies in Hegel. Den Haag, 1974.

[51] *Günther G.* Grundzuge einer neuen Theorie des Denkens in Hegels Logik. Leipzig, 1933.

[52] Ibid. S. 12 ff.

[53] См.: *Günther G.* Zweiwertigkeit, logische Paradoxie und selbst-referierende Reflexion//Zeitschrift für philosophische Forschung. 1963. № 17. S. 419-437.

[54] *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 3. Aufl. Tübingen, 1972. (См. также: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.)

[55] *Gadamer H.-G.* Die Idee der Hegelschen Logik//Hegels Dialektik. Fünf hermeneutische Studien. Tübingen, 1971. S. 49-69.

[56] См. кроме названной выше статьи (bes. S. 52 ff.) также: *Gadamer H.-G.* Hegel und die Antike Dialektik//A.a.O. S. 7-30, bes. S. 20-26.

[57] *Marcuse H.* Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Frankfurt. a. M., 1932.

[58] Ibid. S. 21 ff.

[59] См.: *Markuse H.* Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie. Übers. von A. Schmidt. Darmstadt u. Neuwied, 1972. S. 49-54, 65-74, 114-153, 274-282.

[60] См. особенно работы В. Ф. Асмуса, П. В. Копнина, Е. П. Ситковского, В. С. Чернышева, В. И. Шинкарука, которые сыграли большую роль в критике объективно-идеалистической концепции Гегеля.

[61] Такая критика особенно характерна для монографии М. Ф. Овсянникова «Философия Гегеля» (М., 1959).

[62] Речь идет об уже названной книге Н. В. Мотрошиловой «Путь Гегеля к науке логики» и монографии И. К. Тевзадзе «О рациональном и мистическом в "Науке логики" Гегеля» (Тбилиси, 1971).

[63] См., например, диссертацию Э. В. Ильенкова «К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики)». М., 1968.

[64] Более подробно анализ содержания данной идеи дан в монографии: *Быкова М. Ф.* «Мистерии логики и тайна субъективности» (в печати).